

«Вагонные споры – последнее дело»

Поезд Йошкар-Ола – Москва. Дополнительный. Вагон первый. Плацкартный. Место семнадцатое, нижнее.

Отправление поезда в 20:40 по московскому времени. В вагоне нет света. Точнее есть, но через купе. В моем купе света нет. Со мной едут 3 мужчины. Тот, у которого верхнее место надо моим, – простой русский мужик. Лучше его и не опишешь. Упитанный, слегка лысоватый, неразговорчивый. Я каждый день встречаю тысячи его копий на улицах, в метро, электричках и магазинах. Второй – молодой парень с неумным лицом. У него мелкие быстро бегающие глазки, коротко остриженные волосы и очень светлые негустые брови. У него тоже верхнее место, только напротив. Третий – лысый мужчина с неприятным лицом. Его место нижнее, прямо напротив меня. Я, конечно, не сразу разглядела все эти подробности. Ведь, как я сказала, не было света. И от осознания, что я поеду одна с тремя мужиками, как-то не становилось светлей.

– Покурим? – обратился лысый к моему соседу.

– Я не курю, ответил тот.

– А ты? – спросил он молодого парня.

– А я курю.

– Вот и пойдем.

Они ушли. На несколько минут воцарилась тишина. Вскоре они вернулись вместе с тяжелым запахом табака.

Я нервно передернула плечами и достала из сумки плеер. Дальше между мужчинами происходил какой-то диалог, которого я не слышала. Я не хотела их слушать, но я могла за ними наблюдать. Лысый говорил больше всех. Молодой парень коротко отвечал ему. Первый мужчина совсем ничего не говорил, я лишь изредка замечала, как он приоткрывал рот, чтобы что-то сказать, но вместо этого только вздыхал. Я выключила музыку и стала слушать.

– Давай пересаживайся, я спать лягу, – сказал лысый. Парень ничего не ответил и сел с нами третьим. Лысый тут же лег, не снимая ботинок. Меня передернуло, и я снова включила музыку.

Зашла женщина с двумя детьми. Ее сопровождала толпа родственников. Они несли четыре огромных сумки. Из-за темноты я не видела лиц. Все очень торопились, в спешке целовали детей. Через минуту их уже не было. Поезд тронулся.

У женщины с детьми были боковые места. Я успокоилась. Раз здесь дети, все должно быть хорошо.

Я прибавила звук на плеере и уставилась в окно. Позади оставались маленькие деревянные домишки с накренившимися крышами, покрытыми снегом.

Включили свет. Он ослепил меня. Я перевела взгляд на моих попутчиков. Вот тогда-то я и подметила все эти особенности моих соседей, описанные выше. Лысый встал. Он что-то говорил, обращаясь то к молодому парню, то к женщине. Потом поднялась какая-то суматоха. Лысый вплотную подошел к женщине. Я сняла наушники.

– Да ты не стесняйся, сказал же, что поменяюсь. Я спать хочу. Ты давай на мое место, а я лягу на верхнюю боковую.

– Ой, спасибо! Мне так неудобно, – только тут я услышала, что в речи женщины скользит легкий акцент. Темнобровая, темноволосая. С ней был мальчик лет двенадцати в медицинской маске и маленькая курчавая девочка. По виду ей было не больше четырех. Женщина обратилась к девочке на незнакомом мне языке. Та засмеялась в ответ.

– Слушай, я передумал. Давай ты с девочкой ляжешь на мое место, а я лягу на это нижнее. Не хочу спать наверху. Меняю это место на это, – он хлопнул рукой по боковой кушетке. Она кивнула головой, соглашаясь на его предложение.

– Дети спать хотят, давай стели им! – властно произнес он.

– Да нет, они не будут спать сейчас. Еще рано, в девять их не уложить.

– А я говорю, они хотят спать! – чуть прикрикнул он.

– Дак кто хочет спать: Вы или они? – тихо спросила женщина, глядя в пол.

– Все! – зло ответил лысый.

Женщина и дети поменялись с ним местами. Молодой парень сел с ними на кушетку. А лысый сразу же сложил стол на нижнем боковом, достал сверху матрас и расстелил его. Сел.

– Ты. Да, ты, – обратился он к повернувшейся в его сторону женщине, – тебя как звать?

– Анжела, – тихо ответила она.

– А по-русски? – хмурясь спросил он.

– И по-русски, и по-чеченски Анжела.

– Анжела, постели-ка мне, – приказным тоном бросил он.

– Хорошо.

Анжела принялась покорно расправлять простыню. Лысый сел на ее место, взял на руки девочку. Она спокойно сидела у него на коленях.

– Ты какая хорошенькая, – он смачно поцеловал ее в щеку, она замахала на него руками.

Мать осторожно сказала:

– Она по-русски не понимает.

Тогда лысый принялся мурлыкать несуществующие слова:

– Каля маля баля ба, да? Рада када маша ра, да? – и на каждое его «да» девочка кивала головой и смеялась, а он ее целовал, – Это кто? – он показал пальцем на брата, – Это братишка твой.

Как только Анжела закончила стелить постель, сразу взяла ребенка на руки.

– Ложитесь, – тихо сказала она лысому, не глядя на него. Он поманил рукой к себе мальчишку:

– Пойди сюда. Пойди-пойди, – он схватил его за голову и начала что-то шептать ему на ухо, – Ты меня понял? Понял? – мальчик закивал головой, – Славно.

Он лег на застеленную кровать.

Я все время тихо наблюдала за этой сценой. Мне было страшно, мне было грустно. Мне было жалко Анжелу, мне казалось, что это какая-то унижительная ситуация. Унижительная и тяжелая. И почему-то безысходная.

– Анжела, вот это нижнее место – мое. Вы ложитесь тогда с детьми снизу, а я лягу наверх на ваше боковое. Нехорошо будет, если вы порознь спать будете, вам так и спокойнее и удобнее, – сказала я.

– Нет- нет, что вы! Зачем вы все условия для нас создаете, не нужно так! – заупрямилась она.

– Мне нетрудно, я могу спать где угодно.

– Спасибо вам огромное.

– Мальчик болеет? – спросил мой сосед.

– Он после операции, – ответила мама, – Порок сердца.

Все вздохнули. И замолчали.

Я достала книжку. Шолохов, «Тихий Дон», третий том.

«Трещотки эти по ночам заменяли повстанцам пулеметы: во всяком случае, звуки, производимые ими, были неотличимы от подлинной пулеметной стрельбы...»

– Парень, освободи место. Дети спать хотят – сонно протянул лысый, дотрагиваясь до колена молодого парня, который сидел на одной кушетке с женщиной и ребятишками.

– Меня попросят, я уйду.

– Смотри, девчонка уже засыпает. Освободи, – уже громче сказал лысый.

– Да он не мешает, – вступилась, было, мать.

– У тебя совести нет! Уйди!

- Я тебе уже сказал. Тебе еще раз повторить? – в голосе парнишки зазвучали повышенные нотки.
- Повтори!
- Ты поговорить об этом хочешь?
- Хочу. Так. Видимо, придется встать, чтобы человеку объяснить. Пошли, – он встал.
- Не пойду я никуда с тобой.
- Пойдем-пойдем.
- Я не хочу с тобой идти никуда.
- Почему?
- Да потому что. Отвяжись от меня.

Тут в диалог вступил мой сосед.

- Борис, ложись спать. Успокойся, не встревай. Здесь нормальные люди едут. Мы сами разберемся. Не нервируй нас.
- Я тоже нормальный человек! Пускай даст место, – зло отвечал лысый.
- Борис, ляг! Спокойной ночи. Все, споки-ноки. Закончили.

Несколько минут было тихо. Борис все еще стоял над нами.

- Слышь, друг. Земляк, как ты зовут-то? Пойдем покурим, поговорим.
- Не курю я и не пью. Не о чем нам с тобой разговаривать. Нет общих интересов. Спи уже. Поздно. Десятый час.
- Ребенка положи, – обратился он к женщине.
- Да она не будет спать!
- Будет-будет. Сынок, пойдем покурим, – Борис взял мальчонку за плечо.
- Ему нельзя! Он после операции, – отвечали хором мать и мой сосед.

Он ушел.

Через минуту лысый вернулся. Он достал с верхней полки матрас и обратился к Анжеле:

- Ну-ка встань! – она послушно встала, подняла детей. Молодой парнишка тоже встал. Лысый разложил матрас. Мать посадила сонную девочку ко мне на руки и стала расстилать постель.

Девчонка обвила мою шею руками, положила голову ко мне на плечо и закрыла глазки. Она и вправду спала.

Как только постель была застелена, Анжела забрала девочку и положила на кровать. Мать села рядом с ней, посадила сына. На краешек присел их сосед, а Борис сел к себе на кушетку.

- Сынок, сумку мою подыми, – обратился он к мальчишке.
- Да как ты не понимаешь, после операции ребенок, – в сердцах воскликнул мой сосед.
- Ну, ты матери скажи.

Анжела послушно подняла кушетку, достала оттуда сумку. Лысый покопался в своем белье, вытащил белые шерстяные носки, надел их и ушел куда-то.

- Эх, заebet он нас, мне кажется! Еще часа два-три будет ходить. У него крыша совсем съехала. Еще и поддатый, к тому же, – обратился мой сосед к молодому парню.

«Вот и пал мой герой смертью храбрых», – подумалось мне, – «нормальный, казалось, мужик, а позволяет себе при детях и женщинах материться».

Лысый вернулся, неся в руках два стакана чая.

- Это я вам, – сказал он Анжеле.
- Спасибо, но мы не будем.
- Как не будете, я ведь от души, – удивился он.
- Я знаю, но не стоило.
- Дети не виноваты. Отцы виноваты.
- В смысле?
- Только отцы виноваты в этой жизни. Дети, мамы, бабушки – никто не виноват. Только папы во всем виноваты. Дааа... Чай-то пейте.
- Мы не будем.
- Я ведь с уважением, что постель мне постелила.
- Мне несложно было.
- Я от души, говорю же!
- Да места нет уже.
- Друган, ну-ка встань! – обратился лысый к парню.
- Я не в том смысле, места в животе нет, – испуганно замахала руками Анжела.
- А, все равно! Вставай, тебе говорю.
- Ты как со мной разговариваешь? Веди себя нормально, – хмуро отвечал парень.
- Вот я вообще русских не понимаю, совести нет. Вы нормальные, нет? Люди спать хотят. Уйди, говорю. Я им место выделил!
- Ты им, а они тебе. Вот и садись на свое место, а меня не трогай.
- Ты дебил что ли совсем?

- Да как ты со мной разговариваешь? Ты почему себе такой тон позволяешь?
- Да потому что я оттуда.
- Откуда оттуда?
- Ну, оттуда.
- Борис, ну, и что с того, что ты оттуда? Это всем надо показывать? – ввязался мой сосед.
- Плевать я на вас всех хотел! – рявкнул лысый. Он постоял еще с минуту и лег.

Я пыталась читать, но как-то не выходило. Буквы скакали по строчкам, и я перечитывала каждый абзац по несколько раз. Не прочитала и двух страниц. Закрыла книжку.

Я застелила себе полку над Борисом, сняла обувь и запрыгнула наверх. И потом долго-долго лежала и думала. Думала под мирный стук колес и одинокие гудки.

А потом был новый день.